

«Не забалуешь! Ну и характер у парня — чистый порох». Именно такое первое впечатление Гоудань произвел на соседей по комнате.

— Слушай, друг, брат вряд ли поменяется с тобой местами, — мягко вмешался Ван Сюань. — Тут ведь на каждой койке фамилия прикреплена. К тому же он сам на верхнюю полку метил.

Насчет полки Ван Сюань, конечно, приврал. Гоуданю было глубоко плевать, где спать, просто сейчас он чувствовал себя не в своей тарелке и разговаривать ни с кем не желал.

— А-а, вот оно как... — Сосед ничуть не обиделся. Оказался из тех общительных малых, что сходятся с людьми в один миг. Говорил он с густым южным выговором, но Ван Сюань его понимал. Поговаривали, что в Южных регионах в некоторых институтах лекции читали прямо на местном диалекте. — Так ты, значит, брата провожаешь?

— Вроде того. Я тоже здесь учусь, только на медицинском.

Ух ты, сразу два студента из одной семьи! Настоящий повод для гордости в те годы.

Но Ван Сюань не стал хвастаться:

— Ладно, давай сначала обустроимся.

Они принесли воды и принялись отмывать пыль. Кровати в комнате стояли железные, выкрашенные свежей краской. На вид прочные, но стоило на них навалиться, как они начинали натужно поскрипывать. Когда тяжелый Гоудань полез наверх проверить прочность, конструкция жалобно заныла — видать, болты затянули на скорую руку. В уездной средней школе кровати были старые, деревянные, латанные-перелатанные, но вели себя гораздо тише.

На сетку уложили купленный прямо на месте плотный соломенный мат, поверх натянули толстый матрас, застелили простыней. Взяли подушку, натянули привезенную из дома наволочку — и готово. Одежда тащить с собой из деревни не стали: прослышали, что в общежитии все выдают под расчет. Так вышло куда проще.

Оставалось только открыть дверцу нижнего шкафчика и перебросить туда нехитрые пожитки.

— Койка, кажись, коротковата, — проворчал Гоудань, примериваясь.

Когда человек ложится, ему требуется куда больше места, чем когда он просто стоит. Нужно ведь и подушку пристроить, да и упереться макушкой в одну дужку, а пятками в другую — удовольствие сомнительное.

— Ничего не поделаешь, стандарты, — вздохнул Ван Сюань. Ему показалось, что за лето

Гоудань умудрился еще немного вытянуться. — Ты бы прекращал расти, а?

— Постараюсь, — хмыкнул Гоудань. — А то совсем беда будет.

За несколько дней, пока шла регистрация и уезжали провожающие родители, ребята в комнате быстро притерлись друг к другу. Освоившись, они даже начали подшучивать над Гоуданем.

— Ну и верзила! — качал головой один из парней. — В первый день я вообще к тебе подходить побоялся. Думал, баскетболист какой. Хотя дело даже не в росте, а в выражении лица. Уж больно ты суровый.

— Вот-вот! — поддакнул другой. — Если бы не знал, что мы однокурсники, решил бы, что ты из тех бандюков, которые на рынках дань собирают. Честное слово, Ли Кай, рожа у тебя суровая, так и ждешь подвоха!

— Да ладно вам наговаривать, — весело вклинивался Ван Сюань, заходивший в гости. — Мой брат с самого детства примерный ученик и отличник.

— Да в нашем университете дураков отродясь не держали! — загомонили парни. — Тут каждый первый — гордость школы. Слушайте, а у кого сколько баллов за экзамены?

— Я в своем городе первое место взял, — не без гордости признался один.

— Мы с братом по провинции второе и третье разделили, — скромно вставил Ван Сюань.

— Уважаю! — поднял руку парень из угла. — А я вот — абсолютный победитель по своей провинции.

— Да ну? Серьезно?

— Вот и верь после этого глазам. С виду обычный парень, а на деле — гений. Да уж, конкуренция тут будет сумасшедшая. Сразу понимаешь: расслабиться не дадут.

Разговор тут же ушел в сторону. Ребята начали наперебой обсуждать, в какой провинции конкурс жестче, где проходной балл задрали так, что даже медалисты пролетели, и как тяжело теперь держать планку, когда вчерашние первые парни на деревне превратились в заурядных студентов.

Мужская дружба завязывается быстро и без лишних церемоний. Пара общих обедов, горсть домашних гостинцев на всю компанию — и вот вы уже лучшие друзья. Ван Сюань, частенько заглядывавший на огонек, благодаря своему легкому нраву быстро стал в этой компании своим. С некоторыми ребятами он общался даже проще, чем сам нелюдимый Гоудань.

Правда, парням впервые пришлось жить порознь, и привыкать к этому оказалось непросто. Порой Ван Сюань ловил себя на том, что начинает говорить вслух, оборачивается — а рядом никого. Стоит посреди коридора и бормочет сам себе под нос.

Учеба на разных факультетах диктовала свои правила. Университетский городок был огромным, графики не совпадали, так что пересечься случайно в течение дня было почти невозможно. К тому же у Ван Сюаня специфика обучения оказалась суровой — будущих врачей сразу начали гонять по практике.

— На первом же занятии девчонки в рев, — рассказывал Ван Сюань за обедом. — Нам притащили макет скелета, так к нему прикоснуться все боялись. А преподаватель строгий, поблажек не дает.

— И как тебе? Не жутко? — поинтересовался Гоудань.

— Да нормально, если не накручивать себя. Нам ведь потом трупы препарировать придется, так что кости — это еще цветочки. Сейчас главное — вызубрить, где какой орган находится, как ткани устроены. Преподы говорят, каждый год после анатомички кто-то документы забирает.

— А ты?

— А что я? Мой учитель не зря отправил меня изучать западную медицину. Он всегда твердил, что настоящий врач не должен заикливаться на чем-то одном.

В те годы многие слепо превозносили западные методы, считая традиционное траволечение пережитком прошлого. На самом же деле у них было много общего, просто китайская медицина требовала колоссального личного опыта. Без долгих лет практики, умения слушать пульс, читать знаки по лицу и глазам хорошим лекарем не стать. К тому же приходилось наизусть зубрить сотни рецептов и свойств трав, в то время как на Западе врачи все больше полагались на аппараты и приборы.

— В среду на нашу квартиру выберемся? — спросил Ван Сюань, доедая лапшу.

— Ага. Жди меня у себя, зайду за тобой.

Быстро перекусив в столовой, они разбегались по библиотекам. Кормили в университете сытно и разнообразно, жаловаться не приходилось.

Они обменялись расписаниями, чтобы знать, кто когда занят. Университетская жизнь дарила свободу, о которой в школе они и мечтать не смели. Никто не стоял над душой, не заставлял делать домашку и не следил, с кем ты гуляешь по вечерам. Пары пролетали быстро, оставляя много свободного времени. Хочешь — зубри в читалке, хочешь — отдыхай в общежитии. Но

общая атмосфера в вузе была настолько рабочей, что лениться было попросту стыдно. Все вокруг только и делали, что читали и спорили.

То и дело возникали студенческие кружки: кто-то фанател от физики, кто-то ставил любительские спектакли, другие собирались на поэтические чтения. Каждый первокурсник, оказавшись вдали от родного дома, начинал жизнь с чистого листа.

Гоудань, в отличие от Ван Сюаня, иностранными языками никогда особо не блистал. К экзаменам он их просто зубрил, но живой речи не понимал совсем. А декан на первой же лекции настоятельно порекомендовал будущим экономистам читать зарубежную литературу в оригинале.

Школьной базы Гоуданю явно не хватало, поэтому он твердо решил подтянуть язык. Экономика в стране только-только зарождалась, все двигалось на ощупь, зажатые в тиски планового хозяйства. В Южных регионах дела шли веселее, но передовых технологий китайским фабрикам никто не давал — иностранцы использовали страну просто как дешевую рабочую силу.

— И чего ты задумал? — спросил Ван Сюань, когда они прогуливались по аллее. — Говорят, лучших студентов государство отправляет на стажировку за границу. Тоже хочешь поехать?

Гоудань помолчал, глядя на верхушки деревьев.

— Хочу своими глазами увидеть, как там все устроено. Понять их финансовые механизмы, преимущества, недостатки... Ну и вообще.

Что крылось под этим «вообще», он уточнять не стал.

— В общем, на октябрьские праздники съездим вместе в одно место, я присмотрел там хорошие языковые курсы.

Ван Сюань тихо рассмеялся. Приятно было видеть, как его суровый брат берется за учебу, пусть даже ради нелюбимого им прежде иностранного языка.

— Ты чего зубы скалишь? — прищурился Гоудань.

— Да так, вспомнил, как у нас на потоке один парень слова читал. Путает звуки «л» и «н», преподаватель его поправить пытается, а получается еще смешнее. Вся группа со смеху покатывалась.

— Сами-то не лучше, — хмыкнул Гоудань. — Нас ведь в школе учили как глухонемых: грамматику знаем, а сказать ничего не можем.

— Тебе времени-то на все хватит? — засомневался Ван Сюань. — Если еще и на курсы запишешься, как делом заниматься будешь?

Сам Ван Сюань едва успевал перевести дух между лекциями и занятиями у доктора Циня. На выходных Гоудань частенько сам ходил на рынок за продуктами и готовил на всю компанию, пока медики корпели над трактатами.

— Справлюсь, — уверенно ответил Гоудань. — С торговлей в столице пока повременю. Здесь слишком строгие правила, да и рынки устроены иначе. Надо сначала присмотреться, чтобы дров не наломать.

В крупном городе крутились совсем другие деньги и другие люди. То, что работало в провинции, здесь казалось мелкой возней.

Впрочем, совсем лавочку он не закрывал. Гоудань настроил цепочку поставок через Сяо Цяня: тот получал товар и распределял его по их старым уездным точкам. Прибыль стала меньше, зато капала стабильно и без лишней суеты.

— Сейчас главное — голова, — рассудил Гоудань. — Я ведь на экономическом учусь не ради красивой корочки, а чтобы понять, как делать большие деньги. Вот увидишь, все у нас получится.

— Ну, раз настроился — дерзай. Главное — не перегори.

В общежитии тем временем вовсю обсуждали планы на приближающиеся октябрьские праздники. Жизнь в университете казалась ребятам сказкой: ни тебе обязательной утренней зарядки, ни бесконечной зубрежки допоздна. Кое-кто из парней уже начал прихорашиваться и заглядываться на симпатичных сокурсниц.

— Слушайте сюда! — зычно объявил Чжао Шэн, которого недавно выбрали старостой группы. Он безумно гордился своим новым статусом. — Мы тут с девчонками из студсовета посоветовались. На праздники организуем поездку за город для тех, кто не уезжает домой. Скидываемся понемногу — и вперед. Отказы не принимаются, вы обязаны поддержать мою первую инициативу!

— А кто еще едет? — отозвался Чэнь Вэньлай. — Слушай, Чжао, может, позовем девчонок с филфака? Нашим составом киснуть скучновато будет.

— Ого, какие мы шустрые! — хохотнули парни. — Тебе лишь бы на девчонок поглазеть?

— А то! Иначе какой резон выходные гробить? Я лучше в комнате отосплюсь.

— Ладно, я подумаю, — пообещал Чжао Шэн и повернулся к Гоуданю. — Ли Кай, ты как?

Домой ехать далеко, так что остаешься. С нами рванешь?

— Я пас. На праздниках занят буду. Да и Ван Сюань к учителю уезжает.

Организовать ораву вчерашних отличников оказалось задачей не из легких. У каждого было свое мнение, каждый считал себя умнее других, так что споры затянулись до самых выходных. Когда собирается толпа излишне амбициозных интеллектуалов, общее дело обычно двигается со скрипом.

Гоудань в эти дразги не лез. Становиться старостой или лезть в активисты он не планировал с самого первого дня. Общественная работа давала льготы, но отнимала слишком много времени, которое он предпочитал тратить на дело.

<http://bllate.org/book/19654/1996792>